

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

сентябрь 2014

Аэлита

50

Координаты чудес

ЭЛЕНА КИР
Тот, кто рядом

50

71

Повод для улыбки

ИГОРЬ КОСАРКИН
Великие русские...

71

79

Повод для улыбки

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ
Тотопка.temp

79

Тот, кто рядом

Элена Кир

Возраст — 38 лет. Местожительство — Россия, г. Киров. Образование — высшее. Работа — творческая. Писать начала в 2011 году. Очень любит путешествия и смену обстановки. Именно в новых местах удается писать лучше всего. Любимые авторы: Аркадий и Борис Стругацкие, Сергей Лукьяненко, Марина и Сергей Дяченко, Роберт Хайнлайн, Лоис Макмастер Буджолд.

— Отдай! Это мое! — Славка отчаянно дернул к себе новый, только утром подаренный паровоз. Стоило ему на секунду отвернуться, как наглый Данил схватил игрушку и уже отвинтил одно колесо.

— Сам отдай! Я тоже хочу поиграть! — брат вцепился мертвой хваткой.

— Это мне купили! Играй своими игрушками, я же их не трогаю! — Слава тянул изо всех сил, но Данька, зная свои права, не отступал.

— Ну и что! Я хочу эту!

— Отцепись! Не хватайся!

— Сам не хватайся!

— Я тебе его все равно не отдам, сколько ни верещи! Сегодня мой день рождения! И паровоз мой! — прошипел Славка.

Слова были справедливы, и Данька признал это. Он вдруг выпустил игрушку, упал на попу и заверещал:

— А-а-а-а... Мама!!! Славка меня толкнул!!!

В комнату вбежала мама, за ней отец. Мама бросилась утешать и уговаривать Даньку.

— Ну, тише, мой маленький, — ласково щебетала она, ощупывая ручки и ножки младшего сына. — Больно? Где больно?

Данька не отвечая, сладостно всхлипывал, из глаз его лились настоящие слезы. Славка растерянно стоял рядом, прижимая к груди отвоеванный паровоз. И как Данька может реветь по заказу?

Отец, оценив картину, и не столь больно, сколь обидно, крутанул Славкино ухо:

— Ты опять?! Опять обижаешь брата?

— Но он взял мой паровоз! — взвизгнул Славка, пытаясь вырваться.

— Саша, ну что ты делаешь?! — с возмущением крикнула мама, продолжая обнимать старательно ревущего Даньку.

Отец выпустил ухо и, нависая над Славкой, грозно гаркнул:

— Ну и что?! Он же маленький, а ты большой! Мог уступить. Он же твой брат. Дай сюда!

И выхватил паровоз.

— Папа! Отдай! — отчаянно закричал Славка, пытаясь удержать игрушку. — Я не толкал! Он сам!..

— Да ты еще и врешь?! — возмутился мужчина. — Марш на сундук.

— Папа!..

— Я кому сказал?! — указующий перст четко демонстрировал направление. Мама, как воспитатель со стажем, считала, что бить детей непедagogично, потому наказание заключалось в отсидке на сундуке.

— Но папа! Я ему ничего не делал!.. — еще раз попытался объяснить Славка.

— Вперед! Ты мужчина, так умеи отвечать за себя. И чтобы я больше ни звука не слышал!

И Славка, запинаясь, поплелся вглубь коридора коммунальной квартиры — к месту ареста. Сундук был старинный, с широкой плоской крышкой. Его даже можно было бы назвать уютным, если бы не наказание. Славка забрался с ногами, обхватил колени с царапками, вжался спиной в оставшиеся на вешалке еще с зимы шубы.

Из комнаты доносился ласковый мамин голос:

— Ну, Данечка, не плачь. Ничего ведь не болит? Все хорошо? Ты, малыш, паровозик хочешь?

И уже к отцу:

— Саша, дай ему паровоз.

И снова к зловредному Даньке:

— Держи, Данюша. Видишь, какой красивый?

Славка вцепился в жесткий мех овчины, сжал кулачки. Новенький паровоз в руках наглого Даньки! А он, Славка, ни в чем не виноватый, сидит в арестантском углу. Братец, наверное, от всей души веселится. От осознания несправедливости жизни на глазах Славки выступили слезы, и он ткнулся лбом в колени. А хорошо бы, вдруг подумалось мальчику, если бы Даньки не было! Вот не было никакого брата, и все! Никто бы не отнимал игрушки. Никто бы не лез первым под ласковую мамину руку...

— Чтоб ты пропал! — прошептал мальчик. — Чтоб ты пропал и никогда не нашелся! И мама была бы только моя!..

— Где он?! — мама, вцепившись в полы халата, изо всех сил трясла молоденькую — почти девочку — воспитательницу. — Как вы могли его потерять?!

Вокруг собралась толпа. Педагоги и нянечки пытались урезонить разошедшуюся мамашу, родители сочувствовали и цепко обнимали своих чад. Чада смотрели кто с испугом, кто с любопытством.

— Я не знаю... — лепетала девочка с бледномолочным лицом. — Он был вместе со всеми, мы всех пересчитали... Он сидел в автобусе вместе с Сережей Матанцевым... А потом пропал...

Детский сад выезжал на природу. Все группы, все дети. В сопровождении воспитателей и родителей. Казалось бы, ничего не могло случиться. Но в город вернулись не все — пропал Данил Семашко.

Пожилой усатый милиционер осторожно, но решительно отодрал мамыны руки от воспитательницы. Мама, некрасиво сморщившись, заплакала, отец отвел ее в сторону, зашептал что-то на ухо.

Славка, сжав кулаки в карманах брюк, смотрел на происходящее во все глаза и пытался разобраться, рад он или нет. Данька, брат, пропал. С одной

стороны, желание исполнилось. С другой — жалко маму... «Сложная штука — жизнь...» — вспомнил он любимую фразу тети Нюры, вздохнул и мысленно согласился.

Прошло несколько дней. Мама, не запивая, глотала таблетки, бросалась к двери на каждый звонок, по несколько раз на день бегала в милицию и постарела лет на двадцать.

— Лара, — пытался урезонить ее муж. — Надо ждать. Его ищут. Там люди, собаки в конце концов. Его найдут.

Мама поднимала залитые слезами глаза, кивала, смотрела с надеждой. Но веры не было. Уже несколько дней маленький ребенок в лесу. Городской ребенок в чужом незнакомом лесу. Ее мальш, ее Данечка. Но разум подкидывал все более страшные картины. Данечка заблудился, бредет по лесу, все гуще и гуще деревья, все непролазнее чаща. Мальчик плачет, зовет маму. А мама не откликается, она бросила его... Данечка погружается в болото, кричит, но его никто не слышит. И вода смыкается над детской головкой... Мальш лежит без сознания в какой-то канаве, совсем рядом проходят люди, но не замечают маленького беспомощного тела...

Один раз Славка попытался по-своему утешить маму:

— Мама, не плачь... Ведь я-то никуда не делся, я же с тобой...

Но его слова вызвали обратную реакцию. «Славочка здесь, с ней. Тоже ее сыночек, но Данечки-то, Данечки — младшенького! — нет...»

— Иди в комнату, Славочка, — едва повинующимися губами произнесла мама. — Поиграй пока...

И Славка ушел.

В комнате все было привычно. Те же вещи, те же игрушки. Паровоз с отломанными колесами и наполовину разобранный кабинет машиниста валялся под Данькиной кроватью. Славка так и не прикасался к нему больше — пусть будет Данькина игрушка, ему он уже не нужен. Но и Даньке он не нужен. Ибо зачем, раз старший брат его не хочет.

«Бедная мама!» — подумал Славка, косясь на паровоз. Очень жаль ее и себя тоже. Ну почему она не понимает, что он-то, Славка, всегда будет с ней? Жалко и Даньку. А ведь совсем недавно Славка сам захотел, чтобы младший брат исчез. И вот, пожелание выполнено. Счастлив ли Славка? Нет.

«Пусть он вернется!» — мысль родилась неожиданно. Славка не знал, к кому или к чему обращался, а только желал, чтобы все закончилось. И исчез тот ужас, который сейчас: мама с посеревшим лицом, отец, не знающий, как ее утешить...

— Верни! — безмолвный крик вырвался из глубины души. Прозвучал не мольбой, а требованием. — Ты должен! Верни!

«Зачем? — казалось, что кто-то очень ехидный хмыкнул, издеваясь над Славкиным желанием. — Ведь все пойдет как прежде».

Все пойдет как прежде. Мама будет любить Даньку. Вредный и хитрый Данька будет портить жизнь Славке... Ну и пусть! Зато мама снова будет счастливой, будет улыбаться...

— Неважно! Верни! Я так хочу!

Уверенность вдруг пеленой укутала Славку, опустилась, будто туман на утренний луг. Все сбудется, все устроится...

«Только к лучшему ли?» — в вопросе ехидство.

Что это? Он разговаривает сам с собой? Может, так сходят с ума? Но знание, что желание исполнится, никуда не исчезло, а только окрепло.

Самая вместительная в доме кастрюля, полная сладкой душистой вишни, стояла, дымясь, на плите. Мама большим половником мешала варево, но видно было, что мысли ее совсем далеко.

Вишневое варенье, что может быть вкуснее? Если бы не то, что сейчас произошло, Славка с Данькой, сидя рядышком на щербатых табуретках с ложками в руках, выжидали бы пенку, требуя положить каждому из них первому. И пусть бы Данька, как всегда победил, сейчас Славка был согласен даже на это. Но спорить было не с кем. А мама молчала и только мешала, мешала варенье...

В дверь позвонили — один раз — значит не к ним, к тете Нюре. Женщина, настороженно поднявшая голову, безнадежно вздохнула и снова отвернулась. Морщинки в уголках глаз, осунувшееся лицо, опущенные плечи. Рука машинально помешивает сладкое варенье, а мысли далеко-далеко...

— Нашли, нашли! — раздался вдруг крик из глубины коридора.

Мама вскинулась, рванулась к двери.

— Лара, нашли! — соседка вбежала на кухню, размахивая телеграммой. — Сломана нога, царапины, а так — жив! Заблудился в лесу, потерялся, упал в овраг, не смог выбраться... Живой!!!

Мама с лицом, враз побелевшим, поднесла руку ко рту не в силах вымолвить ни слова. В другой опущенной руке бессильно повис половник, с которого на пол неторопливо срывались красные вязкие капли.

— Нашли, Ларочка! — затрясла ее за плечи соседка. — Уже везут, скоро будет дома!!!

Мама прерывисто вздохнула и вдруг начала оседать на пол. Поднялся шум, переполох. Соседи, выскочившие на крик тети Нюры, рванулись

в дверь — помогать, поднимать, а Славка, забившись в угол, остановившимся взглядом смотрел на шевелящуюся посреди кухни кучу мала.

— Ты кто? — спросил Славка.

Родители уехали в больницу забирать младшего сына, а старшего оставили ждать. Славка в любимой позе — подтянув ноги к животу и обхватив колени руками — сидел в углу дивана и пытался услышать таинственный голос.

— Ты меня слышишь? Кто ты? — снова спросил Славка.

Тишина. Да был ли он, этот голос? Может, показалось? Не бывает в жизни никаких голосов, тем более тех, которые исполняют желания. Но кто тогда с ним разговаривал?

— Ты трус, ты боишься меня! — Славка бросил самое страшное из известных ему обвинений. Уж на него-то, кто бы там ни был, обязан ответить!

Молчание. Значит, показалось... Данька пропал случайно и нашелся тоже случайно. Мальчик испытал одновременно радость и разочарование. Конечно, здорово иметь в друзьях волшебника, исполняющего желания. Но и знать, что именно из-за него плачет мама — ничего хорошего. Да и не важно, есть Данька или нет, мама ведь все равно любит и Славку.

«Конечно, любит. Ведь и ты ее сын. Но Даньку она любит больше».

— Неправда! — вскинулся Славка. — Мама меня тоже сильно любит!

«Любит. Но не так сильно. А что поделаешь? Взрослые такие странные... Насильно мил не будешь, даже если сын...»

— Тогда хочу, чтобы она меня любила сильнее! «Ой, дружок, эмоции — это не по моей части».

— Да что ты вообще можешь?!

«Ты прав, ничего».

Голос замолчал, видно, обиделся. А Славка со злости начал отдираТЬ с колена болячку недельной давности и думать. Болячка, между прочим, появилась из-за того, что бестолковый Данька выхватил из-под него табуретку как раз в момент посадки. Славка с размаху загремел на пол, до крови ободрав ногу о железный чан, оставленный зачем-то тетей Нюрой под столом на кухне. Данька упал рядом с ним — от смеха. А мама только сказала: «Славочка, нужно поосторожнее». И помазала коленку кусачей зеленкой. Он вспомнил сломанный паровоз, подарки к Новому году... Мама всегда вставала на сторону Даньки. Она говорила, пока Данька маленький, Славка должен заботиться о нем и уступать. И Славка уступает. Всегда и во всем. А когда Данька будет большим? Будет тогда он уступать Славке?

— А если его снова исчезнуть? — неуверенно пробормотал Славка.

«Ну, друг, ты сначала определись, чего хочешь!».

Вспомнились недавние дни, посеревшее лицо мамы. Нет, он этого не хочет.

Славка вдруг оживился:

— Слушай, а ты можешь чего-нибудь интересное наколдовать? Например, чтобы меня выбрали в командиры отряда? У нас перевыборы должны быть, я заявку подам...

«В командиры хочешь? — голос зазвучал вкрадчиво. — А что за это готов отдать?»

— Не знаю... — Славка задумался. Что можно отдать? Недавно склеенную модель самолета? Старый самокат? Морскую ракушку, выменянную на перочинный ножик, подаренный отцом? Повторил растерянно. — Не знаю. Все, что угодно...

«Совсем что угодно?» — настаивал голос.

— Ну да, — неуверенно пробормотал Славка.

«Договорились, — повеселел собеседник. — Смотри не забудь, что обещал».

Когда классная руководительница Марья Ивановна, строгая на вид, но на самом деле добрейшая женщина, предложила голосовать за нового командира отряда, то первой руку, решительно, как на уроке, подняла Даша Лапина. Отличница и одновременно красавица. На соседнем ряду взметнулась еще одна рука — Ленка Филимонова. За ней — Аня Савицкая. А потом рук стало так много, что Славка потерял очередность. Девчонки, ребята — все были «за». Вот это да!

Когда Славка ответил на все поздравления и вышел на улицу, то обнаружил на школьном крылечке Дашу. Косы с бантами смешно уложены в капюшон светлой куртки. На ногах — белые сапожки. В руках — портфель, в противоположность Славкиному ранцу, чистый и аккуратный. На обложке — рожица улыбающегося котенка.

— Привет, Вячеслав, — бросила девочка, бесстрашно глядя Славке в глаза.

— Привет, Лапина, виделась уже, — независимо ответил Славка. — Ты чего здесь?

— Тебя жду, — призналась Даша, и Славка оторопел. — Хотела пожелать удачи в командирстве. Тебе давно пора было заявку подать, тебе это подходит.

— Ну-у-у... Спасибо, конечно, — протянул мальчик. Было неожиданно и приятно, потому он расхрабрился. — А ты где живешь? Давай провожу?

— М-м-м... — пропела девочка. «Откажется» — замер Славка. Но Даша бросила из-под ресниц быстрый взгляд и царственно кивнула. — Давай, проводи.

И протянула портфель. Котенок лукаво улыбался. Славка перехватил ручку, еще теплую от Даши-

ной ладони и вдруг крамольно подумал: «А может, у меня бы и так все получилось? Без чужой помощи?» Волна недавней победы несла и кружила его.

«Ой, не зазнавайся!» — насмешливо буркнул кто-то.

— Какой молодой... Жить бы и жить... Вдова осталась с двумя детишками, вон, стоят сиротиночки...

— Надо же, случайность какая. Провод в цехе оборвался и под напряжением. А Саша рядом оказался...

— Все под богом ходим...

Данька, съжившийся и несчастный, стоял, вцепившись в карман маминого пальто, и если она делала шаг в сторону, то он шел за ней, похожий на маленький куцый хвостик. Руки мамы нервно комкали белый кружевной платочек — единственное светлое пятно на фоне темных одежд пришедших проводить в последний путь Александра Семашко. Да еще белый, вчера только выпавший первый пушистый снег, уже засыпанный черными комьями земли.

Мама двигалась как сомнабула, что-то кому-то отвечала, переставляла вещи, перекладывала цветы. Славка пытался помочь, как мог. Держал сумку со снедью, принимал у соблезнующих теток тарелки с пирожками и ватрушками, помогал мужчинам нести временный деревянный памятник. Мама не замечала. Впрочем, она не замечала даже Даньку.

Все шло своим чередом. Закрыли крышку, поставили гроб на длинные брезентовые ленты, и немногочисленные мужики, встав на края могилы, медленно — «Давай, давай, поддерживай!», «Куда кренишь?!» — опустили его в яму.

Мама стояла в кругу соблезнующих женщин и, казалось, не очень понимала, что ей говорят. Дань-

ка испуганно жался к ее ноге, и кто-то из пришедших жалостливо гладил мальчика по голове. Славка был один.

Могильщики, дождавшись окончания цепочки прощающихся, споро закидали яму и, получив от тети Нюры конверт с деньгами, вперевалочку, один за другим, будто стая гусей, ушли по тропинке. Всех остальных позвали в маленький пузатый автобус, похожий на бочку. Славка притулился в уголке, отвернулся от суетливых воронообразных теток, замкнулся, закрылся стеной молчания.

Автобус резко взбрыкивал на кочках, Славка смотрел в окно. Лысые деревья, беззвучно молясь, тянули черные крючковатые пальцы к небу. По серым тротуарам, разукрашенным грязными пятнами подтаявшего снега, спешили куда-то суетливые люди. А в салоне шли разговоры о выкопанной осенью картошке, ранних холодах, вновь подскочивших ценах на продукты и других таких важных для живых бытовых мелочах.

«Ну что, командир отряда? — прошелестел вдруг голос, и Славка дернулся от неожиданности. — Получил желаемое? Цена приемлемая?»

Славка вскинулся:

— Это ты?! Ты?! Как ты посмел?! Зачем ты это сделал?!

«Ну, строго рассуждая, может, и не я... Люди смертны... Но за все надо платить и за желания тоже».

— Я не просил такого!

«Просил. И соглашался отдать что угодно».

Славка вспомнил. Но он думал про самолет, раковину... При чем здесь отец?!

— Верни все обратно! Я не хочу этого!

«Уже поздно, — в голосе скользило сожаление. — Некоторые вещи обратно не вернуть. Да, может,

оно и к лучшему. Пенсия у мамы хорошая будет — как-никак потеря кормильца. Квартиру, может, дадут новую...»

— Не нужно нам ничего! Ненавижу тебя! Чего ты ко мне вообще прицепился? Чего тебе надо?!

«Ничего. Но, раз ты меня услышал, придется нам привыкать друг к другу».

— Ну что, братан, говорят, ты влюбился?

Славка, наливавший на кухне чай, вздрогнул. Не столь от дружеского, по мнению Даньки, тычка под ребра, сколь от содержания произнесенных слов.

— А тебе какое дело? — мрачно буркнул он, промокая тряпкой образовавшуюся лужу.

Небольшая, но уютная кухня полученной после смерти отца квартиры сияла чистотой, которую ревностно поддерживали и мама, и Славка. И только Данька — поросенок! — мог оставить невымытой чашку, залить кипящим молоком плитку или, будто белка, нагрызть и не убрать шелуху от семечек.

— Да ладно, — покровительственно продолжил младший брат, раскачиваясь с носка на пятку и наблюдая за втягиванием темной чайной лужи в недра Славкиной тряпки. — Чего ты держась? Давно всем все известно. А если не всем, то мне-то уж точно.

— Чего известно? — нелюбезно спросил Славка, оттирая Даньку плечом и двигаясь с горячей кружкой наперевес в свою комнату.

Сейчас, в новой квартире, у них у каждого — у Славки, мамы и Дани — было по своей комнате. И Славка до сих пор ощущал это как высочайший уровень комфорта.

— Да не прикидывайся, — хохотнул брат, направляясь следом. Руки в карманах, в голосе — превосходство. — Знаю, что в Дашку втюрился. Вот ты любишься ею, как цапля лягухой на болоте, а девкам ведь что надо? Штурм и натиск. Кто наглее, тот и съел. Давно бы мог ее завалить.

— Слушай, отвяжись, а? — раздраженно произнес Славка, пристраивая кружку на малосенький кусочек свободного пространства письменного стола. Книжки, конспекты, тетради, россыпь ручек и карандашей. Над столом — фотография класса. В центре — улыбающаяся Даша. — Она не такая, понимаешь?

— Да ладно! — усмехнулся Данил. — Все они такие. Я еще других не встречал.

Данька слыл по школе известным ловеласом, и, несмотря на дурную славу, а может, и благодаря ей, девчонки липли к нему, как пчелы к блюдцу с медом. Славка покосился на фото. Даша смотрела открыто и бесхитростно.

— Дань, тебе чего надо? — спросил напрямую, разворачиваясь к брату и глядя в упор.

Данька понял, что лучше не нарываться, и пошел на попятную:

— Эх, друг! Я ж помочь хотел! Но если не надо — не навязываюсь... У меня дело одно сегодня, ты уж посодействуй. Ко мне Маринка придет, ты бы пошел куда, погулял...

— Дань, у меня экзамены через неделю, — Славка кивнул на заваленный стол. — Какие прогулки?

— Понял, — покладисто согласился брат. — Тогда сиди в комнате и не выходи. Мне нужна свобода маневра, а твое неожиданное появление может всю малину испортить.

— Чего ты задумал? — подозрительно спросил Славка, вглядываясь в намеренно бесхитростную физиономию брата.

— Да ничего, все как всегда. Посидим, чай по-
пьем, музон послушаем... — Данил беззаботно по-
жал плечами. — Ну что, лады?

— Ладно, — неохотно согласился Славка.

Славка старательно вчитывался в строчки учебни-
ка, когда в коридоре деликатно тренькнул звонок.
Данька поскакал открывать. Послышался негром-
кий говорок девушки. Очередная пассия. Вот Да-
нил протопал обратно, а легкие шаги, следующие
за ним, были почти не слышны. Вот брат включил
магнитофон, заорала музыка. Все, это надолго. Слав-
ка заткнул уши, пытаясь сосредоточиться, но мыс-
ли продолжали крутиться вокруг соседней комна-
ты. И чего девчонки в Даньке находят? Самый обык-
новенный, ничего особенного. Впрочем, он всегда
умел запудрить мозги... Ну все, хватит. Надо учить.
И Славка снова вгрызся в текст.

Когда в следующий раз он бросил взгляд на часы,
за окном уже начало темнеть. Славка с удовольстви-
ем потянулся — день прошел не зря, сделано много.
Можно размяться и налить чая. Ох, чуть не забыл,
братец просил не выходить. Славка прислушал-
ся. В соседней комнате по-прежнему орала музыки,
но к музыке добавилось что-то еще.

— Данил, перестань! — сквозь песенную какофо-
нию слышался приглушенный, на грани слез, голос
девушки. И неразборчивый, но уверенный речита-
тив брата.

— Не трогай меня! — завизжала вдруг девчон-
ка. — Псих! Отпусти!

Славка вышел в коридор, толкнул дверь брата. За-
крыто. Постучал:

— Даня, у вас все в порядке?

— Да, — брат был зол. — Иди к себе.

Славка постоял, прислушиваясь. Ничего, кроме ре-
вущей музыки, не слышно. Поднял руку — постучать
еще раз. Раздумал. И уже, было, направился в свою
комнату, как девчонка заверещала снова:

— Пусти! Помогите!

Славка развернулся и рванул дверь. Та дрогнула,
но не поддавалась.

— Данил, открой! — тон был жестким. — Считаю
до трех и выбиваю замок.

Послышались шаги, щелкнула защелка, и в приот-
крытую щель выглянул злобный глаз брата.

— Чего надо? Мы без тебя разберемся.

— Пусти меня! — послышался голос девушки,
и дверь заколебалась — видимо, Данила пытались от-
толкнуть.

Славка с силой надавил, и брат отлетел в сторону.
В образовавшийся проход ужом выскользнула девуш-
ка — волосы растрепаны, на глазах потекшая тушь,
рука стягивает края блузки. Порвали они ее, что ли?
Девушка рванула в прихожую, Славка прошел за ней,
отпер дверь. Кое-как попав ногами в туфли и схва-
тив с вешалки светлый плащик, девчонка выскочила
на площадку.

— Тебя проводить? — крикнул вслед Славка.

Ответом был поспешный удаляющийся стук каб-
лучков. Славка пожал плечами, обернулся и нос к носу
столкнулся с Данилом, заступившим путь. Глаза при-
щурены, руки в карманах брюк. Славка попытался
обойти, но Данил схватил его за руку:

— Нет, погоди! Я тебе чего сказал? Сидеть и не вы-
ходить. Тебя чего, идиота, сунуло?! Я в твои дела
не лезу. Чего ты в мои суешься?!

Славка стряхнул держащую руку и пошел к себе.
Драться с рослым Славкой, будучи на голову ниже,
Данил не решился и только злобно прошипел вслед:

— Ну ты у меня поплачешь! Сам напросился!!!

И на следующий день подошел на перемене к Даше. По школьному коридору с визгом носилась малышня. Группками в небрежных позах стояли парни. Под ручку прогуливались девушки, глупо хихикали. Даша с книгой сидела на подоконнике. Данила она встретила вежливо, но абсолютно равнодушно. Его это не смутило. Он запел соловьем, и Даша постепенно расслабилась и даже несколько раз рассмеялась, запрокинув голову. Славка любил смеющуюся Дашу, она становилась похожей на легкую чайку, летящую ввысь. Но сейчас он не мог это видеть. Как она смеет смеяться вместе с Данькой? Неужели она не понимает, какой он...

В этот же день Данил проводил Дашу домой. После короткого дождя распогодилось и в мелких лужицах с удовольствием купались воробьи и лучи солнца. Брат шел, размахивая руками и что-то увлеченно рассказывая благосклонно внимающей Даше. Славка некоторое время крался за ними, перебегая от одного убежища к другому — от ветвистого разлапистого куста к массивной тумбе с полинялыми плакатами, от тумбы к каменному выступу дома, — а потом ему стало стыдно и гадко. Он развернулся и пошел домой.

Дни летели, и Славка мрачнел больше и больше. Даша смеялась, стоя рядом с Даниилом... Даша позволяла Данилу держать себя за руку... Даша благосклонно принимала Данилины знаки внимания...

Славка маялся, страдал, сотни раз пытался начать разговор, но Даша смотрела так открыто и бесхитростно, что он отступал. Что он может сказать? Что Данька сволочь? И в чем это выражается? То, что он бежит за девушками? Так это

и так известно всей школе, в том числе и Даше. Наверное, ей даже лестно, что этот дон жуан уделяет ей столько внимания. А со Славкой они всегда были просто друзьями, ведь он никогда не признавался, что эта дружба уже давно стала для него чем-то большим. Она имеет право сделать свой выбор и, возможно, даже его уже сделала. Но чего она могла найти в этом сосунке?! Ведь он младше ее на целых полтора года!

Что же делать? А может?.. Крамольная мысль подошла, подкралась, выглянула из дальних закоулков сознания. Славка прогнал эту дикую мысль, смел, как хозяйка сметает пыль с подоконника. Но мысль вернулась холодной змейкой, пригрелась, начала устраиваться... Он, Славка, тоже имеет право на счастье. И важно ли, каким путем он его получит?.. Надо только решить, на что он готов? Что он может отдать за Дашу?..

«Эй, дружок! — прервал размышления голос. — Я, конечно, очень ценю твои душевные терзания, но тут я тебе не помощник. Над чувствами я не властен. Справляйся сам».

И все. Рухнула последняя надежда, исчезла последняя лазейка. Если даже этот... это таинственное «нечто» не может ничего сделать, то что может сделать он, Славка?

Или все-таки поговорить с Дашей? Самому. Он все ей объяснит. И она поймет...

Счастливым возникшее «окно» в связи с отменой урока физкультуры каждый коротал в меру сил и возможностей. Славка с Дашей пошли на детскую площадку. Даша устроилась на веревочных качелях и, отталкиваясь ногой от земли, закручивала их выше и выше. А потом поджимала ноги,

и веревочки развинчивались в обратную сторону. Славка мялся рядом, пинал случайные камешки, ковырял ногой землю. Наконец выговорил:

— Даш, а с Даниилом у тебя серьезно?

Даша капризно надула губки, сделала очередной виток.

— Ну-у-у... Я еще не знаю... Так-то он забавный...

Славка стиснул зубы. Даша заметила неладное, остановила верчение, взгляделась:

— Славка, ты чего? Ты, надеюсь, не ревнуешь?

Славка, набывчившись, молчал.

— Сла-а-а-ав? Правда? Ревнуешь? Славка! Ну, ты даешь!

Даша смутилась, покраснела, отдернула ногу с земли. Качель закрутилась, забилась, как живая. Перед Славкой мелькало то лицо, то россыпь Дашиных волос. «А ведь были косички с бантами...» — вспомнилось Славке.

Дождавшись остановки, девушка соскочила с сиденья, заглянула в глаза, сбивчиво, оправдываясь, заговорила:

— Славочка, но ты же никогда, ничего... Я даже не знала... Ты мне всегда очень нравился... Если бы ты сказал чуть раньше... Прости меня, пожалуйста! Мы же с тобой всегда как друзья...

— Да ладно, Даш, не придумывай, не ревную я, — Славка нашел силы усмехнуться. — Друзья были, друзьями и будем. Но с Данькой ты все-таки поаккуратнее.

— Ты это о чем?

— Да нет, ничего, — пошел на попятную Славка. Путь Даша выбирает сама, он не должен вмешиваться. — Все у вас хорошо будет.

Даша несколько секунд внимательно взгляделась в Славкино лицо. И, видимо, ничего не обнаружив, несколько разочарованно пожала плечами:

— Ну... И ладно. Значит, все замечательно?

— Да, — Славка старательно держал маску.

— Вот и хорошо, — Даша чуть смущенно рассмеялась, привстала на цыпочки, в первый раз в жизни чмокнула его в щеку и упорхнула как птичка — к Даньке.

— Знаешь, Славушка, — говорила мама полгода спустя. — Наверное, Данечка и Дашенька поженятся...

На плите пузырился борщ, шел красными лихорадочными пятнами. Мама добавляла то щепотку соли, то какие-то высушенные травы, помешивала варево большой деревянной ложкой.

— Это Данил сказал? — переспросил Славка, пересиливая себя.

За заснеженным окном, отвоевывая место у кормушки, переругивались шустрые скандальные воробы.

И их громкое базарное чириканье доносилось даже сквозь двойное стекло зимних рам.

— Нет, но, думаю, все к тому идет. Хорошая будет пара, у них ведь даже имена похожи...

Мама, задумчиво помешивая суп, улыбалась, видимо представляя себя счастливой бабушкой, окруженной стайкой внуков, подаренных идеальной парой. Потом оглянулась на Славку, взгляделась, положила половник и осторожно приподняла опущенную голову сына:

— Славочка?! Ты чего? Не рад?

Славка, боясь встретиться с мамой глазами, сделал последнюю попытку.

— Мама, они не подходят друг другу. Ты посмотри на них, они совершенно не подходят! — он рванулся, упал перед ней на колени, уткнул-

ся в родные руки. — Мама, поговори с ним, пока не поздно! Они совершенно разные...

— Славочка, что ты, родненький, — растерянно лепетала мама, прижимая его к себе. — Что ты, мой хороший...

И гладила, гладила, как маленького, по голове.

— Горько, горько, — бойко кричала развеселая пе-
страя и уже успевшая упиться толпа.

— Горько, горько, — негромко, но очень искренне
присоединяла свой голос к всеобщему гвалту мама.

Она смотрела на Даньку лучащимся взглядом и не могла налюбоваться на взрослого любимого сына. А Данька мужественной рукой обнимал стройную, в пене белых кружев невесту и, подчиняясь крикам толпы, нежно целовал в губы. Славка сидел за столом, в нужные моменты выдавал подходящие реплики, улыбался и даже умудрялся шутить с соседками, которые наперебой с ним кокетничали — такой видный парень и без охраны.

Казалось, Данька не обращает на брата внимания, но случайно пойманный взгляд позволил Славке увидеть, что глаза брата горят не огнем любви, как положено новобрачному, а светятся превосходством победителя.

— Мама, я пойду поступать в военное.

— Как в военное?! Но у нас же в городе их нет... — растерянно произнесла мама и обернулась от плиты. На сковородке что-то жарилось и скворчало, вкусный запах, такой привычный, такой домашний, заполнял пространство.

— У нас — нет. Но я уже выбрал куда. И отправил документы.

Славка говорил уверенно, но как же ему хотелось, чтобы мама сказала: «Не пущу!»

— А мы? А я? Как же так... Ты даже ничего не говорил...

— Не хотел беспокоить заранее, пока ничего не известно. А сейчас уже вызов пришел...

— Какой вызов? — мама присела на табурет.

— На учебу. Через неделю уезжаю.

Мама снизу вверх смотрела на Славку и комкала в руках фартук. Наконец спросила:

— А армия? Служба?

— Заодно и отслужу, учеба засчитывается.

А по выпуску — офицером буду...

— Но когда же ты решил? Это все так неожиданно... Как мы без тебя?

— Ничего, мама. Зато в квартире свободнее будет. Я там буду жить в казармах, да еще и стипендию обещали назначить.

По маминому лицу все было видно. Жалко отпустить Славку... Но, с другой стороны, Даньке с Дашей легче будет. И маленькому Мишке, чье рождение с нетерпением ожидали, можно будет комнату выделить... Опять же стипендия...

— Ох, Славочка, — пробормотала мама. — Как-то ты все быстро... Может, передумаешь?

Но в ее глазах Славка прочитал согласие. И ответил:

— Нет, мама. Я уже решил, еду.

«Может, зря? — вкрадчиво прошелестел голос. — Стипендию можно и здесь получать. Ты только пожелай...»

— Нет уж, поеду, — мысленно ответил Славка. — Тем более ты прав — насильно мил не будешь.

«Ну, дерзай, Суворов, — съехидничал голос. — Но если что, то стучи. Я тут как тут, глядишь, на что сгожусь».

Годы в училище, учебники, дежурства и вахты, ежедневные тренировки... Окончание с отличием и назначение в маленький гарнизон в глубинке, до которого нужно сначала лететь, потом ехать, потом снова лететь — на вертолете. Краткое северное лето и многомесячная бесконечная зима. Монотонная штабная работа, офицеры, разочарованные и в жизни, и в службе, истеричные солдаты, сбегаящие из части с оружием. Всеобщее пьянство. Край света. И снега, снега вокруг...

Многие не выдерживали. Увольнялись, уходили в запас. С позором изгонялись. Славка держался. Работал ровно и четко. Упорно тащил, волок свои и чужие обязанности. Шаг за шагом, будто вол на крутом перевале, двигался вперед. Ответственность, исполнительность, дисциплина. Организованность и воля... В двадцать три — старший лейтенант. В двадцать восемь — капитан. В тридцать — майор. Менялись гарнизоны, части, места службы. И все ближе и ближе к столице становилось их расположение... «Помочь?» — время от времени, когда ехидно, когда сочувственно, спрашивал голос. И всякий раз, несмотря на то, что искушение было велико, Славка находил силы отказаться. Слишком уж дорогой ценой встала ему помощь, предложенная много лет назад.

Серьезный, а главное, перспективный молодой офицер в каждом новом месте службы вызывал переполох в женских умах и сердцах. Но, к великому разочарованию потенциальных невест, на крючок попадаться никак не желал.

Что касается Славки, то сам он считал, что жизнь удалась. Интересная работа, успешная карьера — это то, чего вполне достаточно для того, чтобы быть счастливым.

Яркие гирлянды, громадная ель, танцующая в зеркальном блеске паркета, бенгальские огни в руках нарядных людей. Штатские костюмы не только не скрывают, но, наоборот, подчеркивают военную выправку мужчин. Женский смех, шампанское, живой оркестр... Новый год в самом сердце столицы — в Доме правительства. Долго же Славка шел сюда...

— Ай!

У девчонки, неожиданно налетевшей на него, были большие голубые глаза, вздернутый задорный носик, алые губки бантиком и куча светлых кудряшек. Личико, несмотря на кукольность, было симпатичным. Росточек тоже, впрочем, кукольный — она едва доставала Славке до плеча — несколько компенсировался высокими каблуками. Белое платье до колен стояло колокольчиком. В руках легкий шифоновый платочек.

— Привет, — чирикнула девушка, глядя на Славку снизу. В глазах отражался праздничный блеск зеркал, хрустальных люстр, сияние огней. — Ты новенький, да? Что-то я тебя раньше не видела.

Славка кивнул и улыбнулся. На щеках появились две обаятельные ямочки. Девчонка не устояла и расплылась в ответной улыбке.

— Ты откуда? — вопрос требовал сообщить не место жительства, а положение в иерархии.

— Генеральный штаб, — лаконично ответил Славик волшебной фразой.

— А-а-а, поня-я-ятно... — протянула девчонка неожиданно без всякой почтительности. — Новый военный советник? Вячеслав, если не ошибаюсь? Слышали, дядя рассказывал...

И пристально взгляделась. Результат осмотра, видимо, удовлетворил, потому она решила брать быка за рога.

— Ты чуть не сбил меня с ног, с тебя извинения и поцелуй, — девушка закрыла глазки и вытянула губки.

Славка усмехнулся, приобнял ее за плечи, нагнулся и легко коснулся губами щеки. Девушка распахнула глазки, брови удивленно поползли вверх.

— Как тебя зовут, прекрасная незнакомка? — улыбаясь, спросил Славка.

— Как? Ты не знаешь?!

Девушка неожиданно ступала под его внимательным взглядом, румянец пополз по щекам, заливая их нежным розовым цветом.

— Я — Вера, — произнесла она, теребя плетеный поясик платяца.

— Хорошее у тебя имя, Вера, — Славка кивнул и, не оборачиваясь, двинулся вглубь галдящего, искрящегося новогодними переливами зала. А Вера осталась стоять, растерянно глядя ему вслед.

Генерал дочитал последнюю фразу доклада и в восхищении покрутил головой. Ну, надо же, как четко все изложил! Талант! Он захлопнул папку из мягкой коричневой кожи, нажал кнопку селектора:

— Андрей, ты здесь?

— Да, Анатолий Степанович, — раздался почтительный, чуть искаженный микрофоном, голос референта.

— Слушай, Андрюш, я по поводу нашего нового военного советника, Вячеслава, не знаю, как его по бабюшке...

— Вячеслав Александрович Семашко.

— Ага, его самого. Слушай, а парень-то он башковитый. Такой доклад мне написал, что просто загляде-нье. Ты приметь его как-нибудь.

— Хорошо, Анатолий Степанович, сделаю.

— Вот-вот. Сделай. Тут еще, понимаешь, дело семейное. Он вроде как Верочке приглянулся...

— Понял, Анатолий Степанович.

— Ну и ладненько. Тогда отбой.

Что ж, парень совсем неплох, стоит того, чтобы его поддержать. Тем более, если у них сложится с Верочкой. Генерал вздохнул. Вера, любимая племянница, маленькая капризуля... Ни с одним парнем дольше месяца продержаться не может, а к этому прикипела. Что же, дай бог им счастья.

— Почему ты так всегда? — голосок Веры звенел от обиды, а сама она, сидящая на кровати с натянутой до подбородка простыней, с разлохмаченным венчиком волос и лицом, выбеленным колдовским лунным светом, была похожа на маленького эльфа.

Славка неторопливо застегнул рубашку, туго затянул ремень. А Вера, между тем, продолжала:

— Ночевать ни разу не остался, все время куда-то бежишь... Вот куда ты сейчас собрался? — и, не дождавшись ответа, обиженно добавила: — Хоть бы цветочек какой сподобился подарить...

Славка натянул через голову свитер, подошел к девушке, коснулся губами щеки — она пыталась увернуться, но не успела.

— Давай договоримся, — сказал он, глядя на нее сверху вниз. — Я останусь у тебя ночевать тогда, когда буду готов остаться навсегда. Но ты ведь за меня замуж пока не собираешься?

Верочка соорудила недовольную гримаску, которую можно было толковать как угодно. Славка усмехнулся.

— Вот видишь? Все, милая, ухожу. Не вставай, дверь я захлопну, — и вышел.

Протопали шаги по коридору, хлопнула, открываясь и закрываясь, входная дверь. Тишина. Вера плюхнулась на диван ничком, зарылась в подушку, потом стукнула по ней кулаком. Чего бы он понимал в женщинах! Да, говорила она ему, что замуж не хочет. Ну так мало ли что говорила! А что, нужно было сказать, что готова хоть сейчас? Хоть сию минуту? Да как он не понимает, любит она его, дурака, любит!!!

Славка набрал знакомый номер.

— Алло? — раздался в трубке такой далекий и такой одновременно близкий голос.

— Мама, это я.

— Славочка, сыночек! Здравствуй, хороший мой. Как ты? — голос мамы был где-то далеко, витал в неизвестном пространстве. И, чтобы избавиться от неприятного ощущения, Славка представил маму в комнате, в привычной обстановке. Вот в махровом халатике сидит в кресле, поджав под себя ноги, мягкие домашние тапочки, подаренные Славкой, стоят рядом. Длинный телефонный провод тянется с журнального столика, а мама по привычке накручивает его на палец...

— Я хорошо, мама. Работы только много. Как ты?

— Я нормально, что со мной делается, Славочка? Лекарство твоё получила, пью потихоньку, вроде помогает. Так что все у меня замечательно. Только бы у вас с Данечкой было все хорошо. За тебя я не беспокоюсь, ты молодчинка. А вот Данечка... — мама замолчала, ожидая вопроса.

— Да? — переспросил Славка, чтобы хоть что-то сказать.

— Пытался он свое дело организовать, да что-то не вышло. Сейчас за границу поехал, сказал — связи налаживать...

— Ничего, мама. Вернется.

Славка смотрел, как безнадежно бьется о стекло позадавая осенняя муха. Усталая, но упорная. Силится выйти, вырваться из теплого привычного мира комнаты сквозь прозрачное и призрачное ничто. Куда рвешься, глупая? Что можно найти в холодном осеннем мире за пределами ограниченного, но теплого и безопасного пространства?

— Славочка, ну какой ему бизнес, какая заграница? Он ведь как ребенок! Присмотрел бы ты за ним? Может, на работу к себе возьмешь?

— Мама, он уже взрослый человек, самостоятельный, сам определится, что делать.

Муха отчаялась и присела отдохнуть, опустила бессильно плеченьки. А может, решила остаться здесь навсегда, поняв тщетность попыток.

— Да какой он самостоятельный? Совсем глупый еще...

Мама переживала, потому Славка решительно, только чтобы успокоить ее, сказал:

— Хорошо, мама, конечно. Присмотрю.

— Уж постарайся, Славочка. Все-таки твой младший братик...

Младший братик. Вечный младший братик, забравший все: маму, дом, любимую. И бросивший все, как детский игрушечный паровоз.

«Не завидуй!» — назидательно произнес голос.

Славка промолчал.

Звонок затрещал резко, неожиданно, и Славка, успевший задремать, с трудом вырвался из сна. Работал телевизор с выключенным звуком, прыгали по полу блики отсветов. Славка глянул на часы — десять вечера. Война? Учения? Генерал? Кашлянул, поднял трубку и четко отпарировал:

— Семашко слушает.
— Славка! Славочка! — за рыданиями и всхлипываниями Славка с трудом разбирает слова. — Мишка пропал!
— Даша, — неуверенно переспросил Славка. — Это ты?
— Я! Слава, его украли! Я не знаю, что делать!
— Даша, подожди. Спокойно, — Славка выключил телевизор, зажег свет. — Расскажи по порядку. Почему украли?
— Слава! Нам угрожали! Данил денег занял. На бизнес. Промотал все — возвращать нечего. И свалил, трус! Уехал за границу! Исчез! Типа нет человека — нет кредиторов. А там же бандиты! Там Кайский! Его весь город боится! Они мне на работу звонили, угрожали, что если через неделю не верну деньги, то забьют ребенка и будут возвращать по кусочкам! Я в школу побежала, а там говорят, что Мишка даже не приходил! Слава, Славочка! Я не знаю, что делать!
Даша снова зарыдала.
— Тише. Успокойся. Возможно, он просто заигрался, прогулял школу...
— Нет! Мишка никогда так не делал!
— Все бывает в первый раз. Звони по друзьям. Спрашивай телефоны друзей, знакомых. Звони. Прямо сейчас.
— Да, — Даша все еще всхлипывала, но безумие из голоса уходило.
— Давай.
Славка широко шагая, прошелся по комнате. Что делать? Куда? В милицию? Бесполезно. Деньги? Тварь ты, Даня, о чем ты думал, как ты мог бросить их одних! Что же делать?! А может?.. Его палочка-выручалочка, которой он воспользовался раз в жизни и зарекся обращаться вновь... Но ведь сейчас крайний случай! И сейчас главное — Мишка. И время...

— Поможешь?.. — решился Славка.
Показалось, что голос ехидно хмыкнул, но ничего не ответил.
Господи, подумал Славка. С кем я говорю? Голоса, мистика... Какая ерунда! Ведь взрослый мужик, не маленький ребенок. Нужно срочно что-то делать. Славка поспешно начал одеваться, на ходу соображая, к кому сейчас, в такое позднее время, он может обратиться. И уже открывал дверь, когда снова раздался телефонный звонок. Бегом вернувшись, Славка схватил трубку.
— Слава! Славочка! Это Даша!
— Да, Даша. Я решаю проблему...
— Нет, Славочка! Все хорошо! Мишка просто зашел к приятелю... Свиныньш этакий! — она счастливо всхлипнула. — Я уже выдала ему по первое число. И еще из милиции позвонили — сегодня задержали Кайского! Все замечательно! Ты прости, что я тебя переполошила, Славочка!
— Ну что ты, Даша. Ты все правильно сделала...
— Это ты, Славочка, удачу принес! Спасибо тебе! Я позже перезвоню, ладно? Пока!
В трубке раздалась короткая гудка, и Славка аккуратно положил ее на рычаг.
«Доволен?» — вкрадчиво прошелестел голос.

Даша сидела у Славки на кухне, пила крепкий чай. Она приехала неожиданно, без предупреждения и могла бы вообще его не застать, но вот застала.
— Объявился он, Слав. Данил-то. Как узнал, что Кайского задержали, так и объявился. Позвонил, мол, все в порядке, как все окончательно уляжется — приеду...
Славка, привалившись к холодильнику, слушал. Даша грела руки о кружку, делала маленький гло-

ток, снова грела руки. Над чаем курился ароматный дымок.

— На все ему плевать. На Мишку, на меня...

На мать. Знаешь, деньги, которые ты ей высылал, он все до копейки забирал. Говорит: «На бизнес!» — раздразила Даша. — Где теперь его бизнес?!

И поспешно уткнулась в кружку.

— Ты прости, пожалуйста, что я к тебе жаловаться приехала и такое про брата говорю, — произнесла она некоторое время спустя. — Так получилось, что больше никому.

— Даша, — неловко начал Славка. — Может, не стоит торопиться? Не уезжай, подожди. Все еще образуется.

— Нет, Славочка. Не образуется. Не думала, что он такая сволочь! Ну ладно я, но ребенок-то в чем виноват?! Никогда я ему Мишку не прощу! Хватит, натерпелась. Уезжаю на север, к родителям. И сына забирю. Так что попрощаться зашла.

— Даша, знаешь... — вдруг решился Славка. — А я ведь влюблен в тебя был тогда...

— Знаю, Славочка. Сейчас уже знаю. Он мне все рассказал. И что женился назло, тоже не постеснялся сказать. Какая же я дура была! Какие же мы все, бабы, дуры! Ничего дальше смазливых мордашек да подвешенного языка не видим. А сейчас все уже, поздно. Хочу все сменить. Жизнь, работу...

Даша поднялась.

— Подожди, я такси вызову.

— Не нужно, вокзал рядом, я и так доберусь. Слава, я тебе так благодарна! Спасибо, что помог, поддержал. И пусть у тебя все сложилось как надо. И работа, и личная жизнь.

Дверь, закрываясь, хлопнула. Славка снова остался один.

«А чего ж ты, парниша, так и не выговорил, что до сих пор влюбленный ходишь?»

— Зачем? Ей это не нужно, а я уже как-нибудь справлюсь, — подумал и неуверенно добавил: — И потом, у меня сейчас есть Вера...

— Привет, Вячеслав... — Вера смотрела как-то странно. Секунду помедлила, посторонилась. — Заходи...

Почему-то она провела его не в комнату, как обычно, а на просторную кухню. Радостные солнечные зайчики прыгали по светлому кафелю, отражались в надраенной посуде. С чего бы это такая чистота? Любовью к домашней работе Верочка никогда не отличалась, а домработницу, как постороннего человека в доме, тоже не жаловала.

Девушка присела на табурет, спрятала руки в рукава домашнего кимоно. На фиолетовом шелке золотыми нитками был вышит дракон, длинное тело которого тянулось по спине и заканчивалось шипастой головой на плече. Казалось, дракон с любопытством заглядывает в довольно откровенный вырез. Вера заметила интерес Славки к дракону, произвольным жестом стянула края платья. Спросила:

— Зачем пожаловал?

— Вот так вот быка за рога? И даже чаем не угостишь? — шутливо возмутился Славка, пытаясь снять непонятно откуда взявшееся напряжение.

— А оно тебе надо? Чай-то?

Славка пожал плечами. И чего это на нее нашло?

— Знаешь что, Славочка... Не хочу больше морочить тебе голову... — Вера бросила испытующий взгляд. Голосок звенел от напряжения. — Я замуж выхожу. Через месяц.

— Шутить? — помолчав, недоверчиво переспросил Славка.

— Да нет...

Вера протянула тонкую руку. На безымянном пальце, искрясь в лучах утреннего солнца, уверенно угнездилося кольцо с крупным бриллиантом. Неторопливо тикали старые ходики, доставшиеся Вере от мамы. Кружились пылинки в потоке света. И Вера, закусив губу, чуть исподлобья, странно смотрела на него.

— Позволено ли будет спросить, за кого? — произнес Славка ровно.

Верина рука дрогнула, спряталась в рукав халата. Дракон на плече шевельнулся. Славка ждал. Девушка упрямо вскинула подбородок:

— А какая разница? Тебе же все равно!

— Что ж, — помедлив, выговорил Славка. — Как говорится, совет да любовь.

Развернулся и вышел. Не прощаясь.

Шел вдоль цветущих тополей, чей пух вился легкой снежной поземкой, и думал: ах, Вера, Вера... Ну, ничего. Как-нибудь. Он уже большой мальчик, переживет...

Голос молчал.

И совсем необязательно обвинять во всем потусторонние силы, крепясь, подумал Славка. Просто Вера сделала свой выбор, пусть будет счастлива.

Доктор, сохраняя непроницаемое лицо, молча паковал в чемоданчик стетоскоп, арсенал ампул, вату и бинт... В комнате остро пахло нашатырем, спиртом и еще чем-то неуловимым, но неоспоримо медицинским.

— Доктор, что?.. — наконец решился спросить Славка.

— К сожалению, прогноз неутешительный, — врач закрыл блестящие застёжки объемного чемоданчика, поправил рукава халата. И, наконец, поднял глаза. Славка сглотнул.

— И сколько осталось?

— От силы месяц-два. Не больше.

— Можно что-то сделать?.. Лекарства?.. Больницы?..

— Ничего. Это просто старость. Бессмертные еще не придумали. Забота, покой — это все, что вы можете дать... Будьте добры, проводите меня.

Дверь хлопнула, закрываясь. Славка остался стоять, привалившись к косяку. В горле застрял ком. Мама-мама... А ведь если бы не неожиданный, выпрошенный, вырванный, взятый будто по наитию отпуск, то он бы мог не успеть...

— Сынок, ты здесь?

— Да, мама. Спи, не волнуйся, я с тобой.

В комнате царил полумрак, шторы были прикрыты, скрывая свет, раздражающий усталые глаза пожилой женщины.

— Славочка, а Данечки нет? — где-то в глубине души матери еще жила, теплилась надежда.

— Пока нет, мама. Но он скоро будет, — голос младшего сына был убедителен.

— Он звонил?

— Да, мама. Сказал, что едет.

— Хорошо... — едва слышно прошептала женщина и снова впала в забытье.

«Едет, как же! Держи карман шире!» — насмешливо проскрипел голос.

— Я знаю, молчи, — цыкнул Славка.

«Да молчу уж!» — проворчал голос.

— Слушай... — Славка замялся. — А его ты затащить сюда, случайно, не можешь?

«Ой, не задавай глупых вопросов, — в словах явно ощущалось раздражение. — Ты же знаешь, что над чувствами я не властен».

Славка держал трубку, ставшую горячей от влажных ладоней, и никак не решался набрать номер. Подбирал слова, искал аргументы... «Главное не сорваться, — подумал он. — И спокойно. Сейчас самое важное — мама. А остальное — ерунда. Пусть эта сволочь приедет. Пусть попрощает. И мама будет счастлива».

— А-ле, — раздалось в трубке развязное.

— Данил, это Вячеслав.

— Ха, брателло! Привет. Чего надо?

Сдержаться. Главное сдержаться. Мама...

— Ты знаешь, что мать болеет?

— В курсе.

— Ну?

— Что ну?

— Слушай, не строй из себя болвана. Знаешь же, что она тебя ждет. Когда ты приедешь?

— Ждет... Все ждут, — хмыкнул Даня. — Не могу я сейчас. У меня только все налаживаться начало.

Не до разездов.

— Слушай, ты!.. Ей несколько дней осталось. Приезжай, я оплачу дорогу.

— Богатый, значит? Богатенький? Дорогу, значит, оплатишь? А не пошел бы ты, а? А где ты был, когда я от бандюков скрывался? Брат называется! Пошел ты на хрен, никуда я не поеду.

— Это же мать! Твоя мать!

— И твоя тоже. Хватит, что ты там. А у меня дела, — отрезал Данил.

— Даня... — начал Вячеслав. — Даня, она же умирает...

— Тем более. Она все равно помирает, а у меня вся жизнь впереди. Мне не до поездок.

— Поговори хотя бы по телефону!

— Не хочу. Она опять ныть начнет... Не хочу.

Справляйся сам. Я с ней и так достаточно нажил-ся. Это ты куковал в свое удовольствие. А я крутился, как уж на сковородке: жена, ребенок, да еще и мать со своими прибабками. Так что теперь твоя очередь. Все, некогда мне. Адью.

И раздались короткие гудки.

Славка стоял, сжимая хрупкую пластмассу, и отстраненно думал: «Только бы не раздавить».

Славка с жалостью смотрел на маму. Изможденное лицо почти сливалось по цвету с подушкой, тонкие руки бессильно лежали поверх легкой перины... Бедная мама...

— Мамочка, как ты? — тихонько спросил Славка.

— Славушка? — мама приоткрыла затуманенные обезболивающим глаза. — Как все болит, Славочка! Все сильнее и сильнее... Скорее бы уж... А Данечка не приехал?

— Нет, мама. Нет еще...

— И уже не приедет, не успеет... Умру я...

— Ну, мама, что ты! Какое умру! Да как на ноги встанешь, мы тебя еще замуж выдадим! — Славка пытался говорить бодрым тоном.

Мама вдруг взглянула ясно, а ее рука, похожая на иссушенную птичью лапку, с неожиданной силой вцепилась в Славкино запястье.

— Славочка, скажи правду! Только не ври! Ты не сказал Дане, что я болею? Пожалел его, да? Чтобы он не расстраивался, чтобы не приезжал...

Бедная мама!.. Как сказать, что Данил отказался ехать?

— Мама... — начал он медленно.

— Нет! Не надо, не говори! — женщина изо всех сил зажмурилась, зная ответ.

— Мамочка... — отчаянно выкрикнул Славка. — Мама! Это я виноват, я не сказал ему! Прости меня, мама!

Мать открыла глаза, долго и пристально вглядывалась в сына, силясь что-то прочитать на его лице. Поверила, отвела взгляд, судорожно перевела дух.

— Ничего, Славочка, ничего... — пробормотала она некоторое время спустя. — Бог простит тебе эту ложь. Ведь ты не со зла, ты хотел, как лучше...

Мамины пальцы разжались, и рука бессильно упала на кровать. Секунда тишины.

— А все-таки лучше бы ты его позвал! — вдруг страстно воскликнула женщина и отвернулась к стене.

Славка, желая защититься, пожалеть потянулся к матери:

— Ма-а-ам...

— Иди, Славочка, — голос звучал глухо. — Иди, я посплю.

Славка осторожно приоткрыл дверь, заглянул в комнату. Ночник чуть теплился, мама лежала с закрытыми глазами, но не спала. Ее бескровные старческие губы тихо, почти беззвучно, шептали молитву.

— Господи! — страстно молилась мать. — Прости его, ибо это мой сын, и я этого требую! Он не виноват... Данечка... Так и не приехал... Прости его, ведь и я стараюсь простить! Он не со зла, он хотел как лучше. Прости, Господи, Славущку, что так и не позвал Данечку...

Славка тихо, чтобы мать не услышала, прикрыл дверь, ушел на кухню и долго-долго сидел там,

грея в руках бокал с одним-единственным глотком коньяка.

Поминками заправляла одна из маминых подруг, и Славка был ей благодарен, сам он вряд ли смог бы сделать все как надо, «по-людски», как говорила когда-то мама.

Выждав приличное время и, тем не менее, рискуя навлечь неудовольствие собравшихся — «Что такое? Это сын разве? Не дождался, когда все разойдутся!» — Славка вышел во двор и бесцельно побрел куда глаза глядят. Опавшие осенние листья, покрывшие землю шикарным пестрым ковром, с тихим шорохом рассыпались под ногами, превращаясь в серое ничто... Во дворе соседнего дома обнаружилась заброшенная детская площадка. Покосившаяся горка, качель с деревянным потемневшим сиденьем, песочница с одиноким, брошенным кем-то грузовиком. Славка сел на бортик, поднял с земли чужую забытую игрушку. Повертел в руках, разглядывая. Машинка была почти новая. Интересно, помнит ли потеряшка о своей пропаже? Или давно уже забыл, увлеченный новыми делами и играми?.. всплыло давнее воспоминание: красный паровоз, подаренный родителями на день рождения, ссора с Данилом, мама...

Как это может быть — мамы больше нет?! Мама ушла навсегда... И до конца думала о Дане. Почему?! Ведь он, Славка, был рядом. Но ей нужен был Даня... Почему не он, Славка?! Господи, почему люди не замечают тех, кто рядом?! Почему они ищут чего-то несбыточного? Почему все раз за разом — всегда! — выбирали не его, Славку, а кого-то другого? Все, кого он любил. Мама, Даша. Вера...

Вера... То, о чем он запрещал себе думать, всплыло волной, затопило так, что даже на языке появилась неприятная горечь. Сколько осталось до Верининой свадьбы

бы? Неделя? Полторы?.. Что не так с ним, Славкой? Почему те, кого он любил, всегда уходили от него?

«Но ведь и ты всегда отступал, уходил. Каждый раз исчезал из их жизни... Мама, Даша, Вера...»

Но ведь это правильно, они имели право на собственный выбор. А он, Славка, старался не мешать им...

«Да? А может, ты просто бросал их на произвол судьбы? Когда-то оставил маму. Потом отпустил Дашу. А сейчас — Веру... А думал ли ты, что нужен им? И почему это люди никогда не замечают тех, кто рядом?...» — передразнил голос и замолчал.

Славка задумчиво покатал детский грузовичок по бортику. Колеса, забитые песком, застревали. Он аккуратно поставил игрушку на землю, отрянул руки и решительно встал. Может быть, у него все-таки есть шанс?

Славка, неловко держа пестрый букет, нажал кнопку звонка. В глубине квартиры затренькало, и спустя некоторое время послышалось:

— Кто там?

— Вера, это Вячеслав.

Молчание.

— Вера, открой, пожалуйста.

— Слава, я не хочу тебя видеть. Уходи.

Удаляющиеся шаги. И тишина. Все, конец. Славка развернулся и медленно пошел вниз.

«Подожди! Попробуй еще раз! — голос звучал встревоженно. — Ты же ничего не сделал!»

— Не судьба, — мотнул головой Славка, продолжая спускаться, и ненужный букет подметал пол.

«Слушай, — прошелестел голос. — Не хочу пугать, но у нее в руках горсть таблеток...»

— Что?! Шутить?!

«Серьезней не бывает».

Славка взлетел наверх, нажал кнопку звонка, и тишину за дверью сменил безумный трезвон. Остановился на мгновение, прислушался — тишина. Славка ударил по двери кулаком, и по подъезду прокатился глухой металлический звук. Щелкнул замок соседней двери.

— Молодой человек! — Мелкие седые кудряшки и пенсне, венчающее острый носик интеллигентной, похожей на сухую воблу соседки, возмущенно подрагивали. — Что Вы делаете?! Вы переполошили весь дом!

«Балкон!»

Славка, отшвырнув бесполезный букет, шмыгнул мимо ахнувшей дамы, рванул стеклянную дверь. С мыслью: «Далеко! Не допрыгну» — вскочил на перила. Качнулся, чуть не упал, прыгнул, вкладывая все в этот прыжок. И оказался на соседнем балконе. Локтем ударил в стекло, сбивая невидимую преграду. Открыл задвижку, осколки жалобно хрупнули под ногами. На пороге комнаты увидел застывшую Веру.

Славка шагнул вперед:

— Где таблетки?! Куда ты их дела?!

— Какие таблетки? — пролепетала Вера, пятась.

Славка схватил руки девушки, разжал сжатые ладошки. Пусто! Заглянул в испуганные глаза.

— Ты. Сейчас. Ела таблетки? — переспросил, раздельно выговаривая слова.

— Слава, ты о чем?! — воскликнула Вера и вырвалась из его рук. — Какие таблетки?!

— Верка! Верочка! — он обнял ее. — Я так испугался, что я тебе потеряю!

Вера недоверчиво взглядела в его лицо.

— погоди, я сейчас! — крикнул Славка и рванул в коридор.

Когда он вернулся, в его руках было нечто. Вераглянула на бывший букет, на озабоченное Славкино лицо, который только сейчас заметил происшедшие

с подарком изменения, и вдруг, не удержавшись, звонко расхохоталась:

— Вячеслав Александрович! Ты самый непутевый человек на свете! Зачем ты разбил окно? Как ты оказался на балконе? И как ты умудрился обыкновенные цветы превратить в это?!!

И тогда Славка решил и, глядя прямо в смеющиеся глаза, негромко, звенящим голосом произнес:

— Вера! Я люблю тебя. Бросай своего бриллиантового жениха, выходи за меня?

Страшные слова прозвучали. И мир не рухнул. И Славка остался на ногах. И даже девушка, как ни странно, не бросилась бежать, а ответила:

— Слава, я согласна.

— Согласна? — глупо переспросил Славка, боясь поверить.

Вера кивнула, чуть поколебалась и все же решилась:

— Только знаешь... Не было никакого жениха. Я все выдумала, чтобы ты ревновать начал.

— Как выдумала? — Славка не понял. — А кольцо?

— Сама купила. За бешеные деньги, между прочим, — сообщила она. И, сделав паузу, добавила с легким упреком: — А ты не оценил...

— Я оценил, — потрясенно пробормотал Славка. Помолчал, привыкая к вкусу новости, и добавил: — Еще как!

Вечер прошел в хлопотах. Милиция, вызванная бдительной соседкой, уехала. Балконная дверь обзавелась новым стеклом. А в доме наконец воцарилась полудночная тишина. Вера дремала на Славкином плече, а он все прокручивал прошедшие события.

— Слушай, — наконец прошептал еле слышно, обращаясь к невидимому собеседнику. — Зачем был весь этот цирк? Зачем таблетки?..

«Если бы не этот цирк, — Славке показалось, что голос чуть усмехнулся, — вы бы так и не встретились. А сейчас — все в порядке».

— То есть... — Славка опешил. — Это что? Ты все специально сделал? Значит, я опять тебе обязан?!

«Слава! Наивный друг мой! Мы с тобой — одно целое. Какие тут расчеты?»

— Но... — Славка запнулся, пытаясь понять. — То есть как?.. Ты же сам говорил, за все надо платить... Смерть отца... Спасение Мишки и Вера...

«А представь, что не было платы? Просто совпало так. Случайность...»

— Случайность?! Как случайность?! То есть... вся моя жизнь была случайностью?!

«А может, вся твоя жизнь — это ты сам? И все в ней в твоей власти. И, как ни удивительно, — голос сделал многозначительную паузу, — даже чувства».

Славка прислушался к сонному дыханию Веры. Ощутил всей кожей ее — рядом. И с уверенностью, изумившей его самого, радостно осознал: «А ведь правда!» Помолчал, привыкая к новой реальности, но все же решил выяснить все до конца:

— Значит, тебя все-таки нет? Я тебя выдумал?

«А важно ли это? Есть... Нет... Все в мире относительно».

Славка задумался. Важно? Наверное... Хорошо знать, что есть сила, способная поддержать, помочь... Ну, пусть за дорогую плату, но все же... С другой стороны, знать, что все в жизни подвластно только тебе — это тоже приятно...

«Спи, — примиряюще шепнул голос. — Все равно ничего не придумашь. Человечество бьется над этим выбором века, а ты хочешь все решить за один вечер».

И Славка почувствовал, что глаза слипаются... Есть, нет — Бог с ним. Завтра будет новый день, новая жизнь. И Вера — его Вера! — рядом и навсегда. **У**